

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

Валентина Голотина

19 августа 2011

Таре #1

– Добрый день

– Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию

– Валентина Антоновна Голотина, Ковалевич в девичестве

– Какого года рождения Вы?

– 1936

– Где Вы родились?

– Деревня Деды, бывший Ивацевичский район

– Какое-то время тому назад к Вам приезжали наши коллеги, и Вы рассказывали о Ваших воспоминаниях. На этот раз мы пришли заснять Ваши воспоминания на видео. Для начала скажите, пожалуйста, в 41-ом году, когда началась война, где Вы проживали тогда?

– В 41-ом году мы проживали в деревне Деды

– Деревня была маленькая, большая?

– Деревня была очень маленькая, 7 домиков

– Так, что всех Вы знали

– Всех. У всех жителей деревни Деды была одна фамилия

– Ковалевич

– Все были Ковалевичи?

– Все были Ковалевичи

– Все были белорусками, или были разных национальностей

– Только белорусы

– Вы помните, как началась война?

– очень хорошо, на удивление очень хорошо, наверное, детская память очень цепкая. Это было солнечное утро, это я помню, и гул, непонятный гул. Посмотрели на небо: не грозы, ничего, и долгое время не могли понять. Наверное, взрослые знали. Что что-то приближается, потому, что были разговоры о войне, это потом я услышала. Вот таким я запомнила этот день: гул. А потом первая встреча с немцем. Она была довольно-таки странная, может вам покажется это удивительным: забегают в дом и прямиком на чердак, наверное, они уже знали, что люди хранят пищу, и оттуда уже спускался вниз с корзиной с яйцами, и. как у нас на Белоруссии говорят, с кумпяком. Бабушка стала просить: «Ой, сыночак, родненькі, чым жа я буду унукаў карміць. Не забірай!». Так вот это была первая встреча, непонятная

– Только один немец зашел в ваше село?

– Я помню, именно забежал один, понимаете, что, что я запомнила, и помню мгновение, и он уже на чердаке, и вот бабушка стала просить, и запомнила его с этим мясом. Вот это была первая встреча.

– Были еще какие-то встречи с немцами?

– Были еще

– Они остались у вас в деревне или нет, дальше поехали?

– Нет, немцы в нашей деревне не были. Запомнилась другая встреча и очень страшная. Наша деревня была выстроена перед домом вся: дети, взрослые, а впереди немцы с автоматами лежали на земле. Нам было это непонятно, маленьким детям, мама крепко держала меня за руку, оглядывалась, братишки то не было рядом. О чем

говорили взрослые, я не знаю, не плакали. Вы знаете, что, наверное, люди уже чувствовали, что все, конец, и поэтому плакать, кричать – считали, что это бесполезно. У меня ужаса никакого не было. оцепенели все. Но вот, каким-то образом, каким-то чудом мы остались живы. В заложники взяли двух мужчин. Сын одного из них живет здесь, на Бронной горе.

– Вы помните, как звали тех людей, которых взяли в заложники?

– Конечно помню

– Можете сказать?

– Иван Андреевич Ковалевич, вот сын его здесь, Аркадий, живет.

– А второй человек?

– А второй Михаил Петрович, тоже Ковалевич

– Их тогда взяли прямо из этой группы?

– Сразу из этой группы взяли в заложники. Михаила Петровича через какой-то промежуток времени отпустили, а вот Иван Андреевич пол года в Бресте в тюрьме был

– А вы видели, как из увозили?

– Да, конечно

– Их пешком или на машине какой-то?

– Вы знаете что, наверное, их транспорт был в начале деревни, а перед нами были только автоматчики, лежащие на земле. Не помню этот транспорт, но я помню, что их повели.

- А много автоматчиков лежало на земле?

– Да, автоматчиков было много, но я не считала, но я знаю, я запомнила это – автоматы, лежащие

– Мне сложно представить, они просто лежали на земле, или были какие-то траншеи?

– Нет, они просто лежали на земле перед нами, и автоматы были.

– На каком расстоянии, примерно?

– Это мне трудно сказать, я ведь ребенком была, на каком расстоянии

– Ну очень близко, очень-очень близко от вас, или чуть подальше?

– Ну, не совсем, на расстоянии, где можно было расстрелять людей в прицел

– А сколько у вас людей всего было в деревне?

– 41 человек жителей деревни, но, вот, когда все разошлись, мама не нашла брата, и, наверное, если б расстреляли, то все равно они б тогда сожгли. Он спрятался в доме, перед которым мы стояли, под корытом, и там его нашли

– А Вы помните, как вас выводили из домов всех?

– Не выводили, сами вышли, заставили выйти. Понимаете, нас же было совсем немного. Заставили выйти.

– Так что Вы говорите, что вы сами вышли из дома?

– Да

– А Вы помните там, кто-то из этих немцев, он пытался говорить с жителями вашей деревни, вам что-то сообщалось?

– Понимаете, о чем говорили мужчины, я не помню, но о чем-то, поэтому, может быть, или в заложниках взяли, или поставили условие, что если хотя бы один эшелон будет

взорван, деревня будет расстреляна. Вот заложников взяли с той целью, чтобы, если что-то случится, сначала они будут расстреляны, потом все остальные

– А Вам откуда известно про такое условие?

– А потому, что родители рассказывали. Вообще очень много осталось в памяти, я говорила вам, картины, отец однажды почти на руках принес бежавшего из плена красноармейца, это еще пока мы жили там, в Дедах. Он был голодный, и фактически лежал в огороде, это было осенью, и ел капусту. Вы знаете, я поражаюсь смелости наших односельчан, рискуя жизнью спас человека, но деревня была маленькая, и тогда еще можно было его считать своим родственником, своим братом

– Так что Ваш отец привел его в дом? Он был у вас на огороде, или где-то в другом месте?

– На нашем огороде отец его нашел, привел его в дом, и долгое время он был у нас. И вот, уже когда даже сюда, на Бранную гору мы переехали, но трудно было его переправить в партизанский отряд, потому, что мы должны были быть сразу расстреляны. Но каким образом удалось может быть я чуточку позже расскажу.

– Хорошо. А этого военнопленного, Вы помните его имя или фамилию?

– Конечно

– Можете сказать?

– Анатолий Шилин

– Анатолий Шилин?

– Да.

– А знаете, откуда он был родом?

- Он родом из Сибири. Мы с Елизаветой Борисовной нашли, где он похоронен, потому, что последнее письмо пришло из госпиталя гарнизона в Бресте в 44-ом году. Писал: «Если я останусь жив – вернусь». Есть письма, которые писал он, и письмо в школьном музее есть, которое Анатолий Шилин написал моему дяде
- Давайте я еще несколько вопросов спрошу про это
- Пожалуйста
- а потом историю с братом расскажете
- Хорошо
- Когда вы его привели в дом, то потом вы прятали его от других жителей села?
- Нет, не прятали
- Вы рассказали на самом деле кто он такой?
- Да, конечно, чтобы все говорили, и нам было сказано, и соседям, что это наш брат
- Родственник какой-то?
- Брат, сын. Тогда ж документы пока не проверяли, знаете, это ж начало войны было
- То есть его, когда вы говорите, что его нашли в сентябре или когда, осенью
- Осенью
- Это 41-ый?
- Это 41-ый. Я помню , осенью 41-ого года нашли, это я точно помню, потому, что рассказывали, что он лежал голодный, ел капусту.
- И вы были уверены, что из этих 41 жителей деревни, никто бы ничего не сказал?

– Да, это была одна семья. По всей вероятности, в далеком прошлом, они все идет от нашего прапрадеда, но это уже другая история

– Сколько примерно времени он провел у вас в семье?

– У нас в семье он до 43-ег года

– Довольно долго. И никогда за все это время не было ситуации, когда к вам бы заходили, проверяли документы, спрашивали кто он – не было таких ситуаций?

– Не было таких ситуаций

– Сколько ему лет, примерно, было?

– Ну, я не помню, сколько ему лет

– Молодой или в возрасте?

– Молодой, по все вероятности солдат призывной службы

– Понятно. Хорошо.

Вы хотели сказать что-то еще о вашем брате?

– Я хотела сказать, что брат нашел его могилу

– Этого Шилина?

– *(помахала головой)*

– Уже после войны?

– Совсем недавно

– Были еще какие-то ситуации, когда...?

– Ситуации, вы знаете, еще запомнилось несколько ситуаций. Я уже рассказывала. Вдруг шум. Открывается дверь, мой старший брат, сводный брат заталкивает, прямо-таки заталкивает в дом девушку. Не понятно было, что случилось, почему. На кухне стояла кровать, деревянная деревенская кровать, и он: «Быстреей, быстреей, быстреей!», и под кровать эту девушку. я успела запомнить,

что она была очень красивая, и что у нее были черные вьющиеся волосы. Я говорила, что не буду волноваться, но, вы знаете что, просто страшно – облава на людей, была облава на людей еврейского населения. Национальности, облава, понимаете, самое страшное – облава

– Это вы еще жили в Дедах?

– Да, это мы еще жили в Дедах, это я помню. Понимаете, мне трудно сказать в каком месяце, но это я запомнила. Но Бог миловал, девушка осталась жива. Потом мама рассказывала уже брату, что каким-то образом ее удалось переправить партизаны. А какова дальнейшая судьба этой девочки, я не знаю, но она осталась жива. По всей вероятности брат ее знал, потому, что он до войны работал на Бронной горе, где было много людей еврейской национальности. Язык еврейский брат очень хорошо знал и поэтому, и немецкий выучил легко, и уже по заданию партизанского отряда имени Димитрова работал переводчиком, но это уже его история, очень сложная

– Так что девушку оттуда привел. С Бронной горы?

– Где он ее нашел... бежала, по всей вероятности. Откуда? Но скорее всего не с Бронной горы, потому, что к этому времени на Бронной горе уже еврейского населения не было, может быть с Косово.

– Откуда Вы знали, что девушка именно еврейка?

– А потому, что мама рассказала

– Но Вы не знаете имя ее, ничего?

– К сожалению ничего, не успели расспросить, понимаете что

– Она у вас только один день прожила?

– Один день и потом, где-то к ночи, ее переправили, и, вы знаете что, наверное, в деревне знали, никто не выдавал. Это была одна семья, сплоченная семья людей.

– А девушку кто потом перепрвлял?

– Брат

– Брат Ваш, да?

– Да

– Как звали Вашего брата?

– Володя

– Сколько ему лет тогда было?

– Он 23-его года рождения. Совсем мальчишкой был в то время.

– Потом он Вам ничего не рассказывал про этот случай?

– Нет

– Вы не спрашивали?

– нет. Он и не рассказал бы, он бы и не рассказал. Мы узнали, что он работал по заданию партизанского отряда только в 44-ом году, когда к нам домой зашел командир этого партизанского отряда Дмитриев, мы не знали, понимаете, так надо было.

Но еще очень страшная история, тоже в том доме, напротив которого немцы нас выстроили, жила семья: трое ребят, точно девочка, отец и мама. Девочка была, наверное, на год, на два старше меня, ну, ребятам было лет по 10. Мальчишки есть мальчишки, нашли где-то патроны. А немцы часто делали облавы, искали везде. Нашли эти патроны у них в сарае – расстреляли всю семью.

– Вы это лично видели, как это произошло?

- Я, как их забрали, да, это видели.
- Вдели, как их забирали из дома, ла?
- Да, да, да.
- Вот маму и детей?
- А мамы в это время не было, мама была в Бресте по какой-то причине, я не знаю, и потом она сама бросилась туда на Бронную, где их держали, я, как это на русском языке сказать, сейчас бы сказали милицейский участок, у поляков это был постарунок, ну, вот где-то. И она туда бросилась, и забрали ее. Расстреляли их на Бронной горе. Когда-то, где теперь находится поселок, было поле, и на краю этого поля, в лесочке, они их расстреляли. Что случилось, перезахоранивали их куда-то, ведь вся семья
- А Вы помните их имена?
- Я помню, тетя Лиза. Девочку звали Верочка, вот так вот
- И они тоже Ковалевы были?
- Тоже Ковалевичи
- Так что, когда забирали, забирали только мальчиков?
- Всех. Все семью и отца, мамы не было в это время
- Отец тоже был дома, да
- Отец, все, забрали всех, вывезли, забрали всех. А мама бросилась их спасать, и ее туда же, и расстреляли всех
- Их забирали немцы, или полицейские забирали?
- Вы знаете, я не могу вам сказать, но, скорее всего, немцы
- Откуда Вы узнали, что их там расстреливали на Бронной горе?

– Так, как это говорят, это теперь телефон, беспроводная связь. Я, даже, видела их могилу, не могила, место, где их закопали

– Другие люди рассказали?

– Да

– Были еще случаи, когда жители вашей деревни пострадали?

– А еще одна семья полностью... мужчины этой семьи были расстреляны. Сложно это, я мало знаю об этой семье, деда звали, тоже Ковалевичи, Данилом. Когда наши красноармейцы отступали, через нашу деревню шло очень много людей. Вы знаете, это было страшно, порою полураздетые. Люди кормили их чем могли, и, вот, ночью выставляли даже большие, как мы говорим, чугуны с картошкой, потому, что некогда было ребятам заходить, они бежали. И вот мама рассказывала, остался один офицер, не побежал, они его спрятали. И вот как немцы узнали, что он, ну, наверное, думал каким-то образом, что он офицер – всех мужчин этой семьи расстреляли. остался жив только дядя Сережа, он впоследствии стал мужем моей тети, папиной сестры. Дядя Сережа погиб, но на работе погиб. Он здесь был, на Бронной горе, и кто-то за него поручился, что в Дедах он не живет, что он единственный из мужчин, а в общем всех мужчин, говорят, их расстреляли в Косово, не на Бронной горе. Вот это еще.

А из заложников, Михаил Петрович ушел на фронт в 44-ом. Он погиб под Калининградом, а Иван Андреевич, я потом чуточку позже расскажу, подорвался на mine и тоже погиб. Одиннадцать человек из нашей деревни фактически пострадали, погибли.

– А я хочу спросить, вот этого советского офицера, они потом прятали у себя дома?

- Где они его прятали, мы не знаем. Они его то в Белавичах, то в Косово
- Откуда немцы узнали про этого советского офицера?
- А вот этого я не знаю
- Но факт, что они узнали
- Факт то, что они узнали. Он был офицер. Может быть на солдат они меньше обращали внимания, но он был офицер
- И его арестовали, этого офицера?
- Арестовали все семью, увезли в Косово и там расстреляли
- Вы видели, когда увозили семью?
- Нет
- То есть Вы все только знаете от других
- Это от мамы
- От Вашей мамы
- Именно от мамы и от дяди Сережи
- Человек, который остался жив, да?
- Да, да. Вот рядышком его дом стоит здесь, недалеко от Елизаветы Борисовны
- А эти 11 человек, когда их забирали? Потому, что про двух Вы рассказали, что двух, вот, забирали в то время, когда вас построили перед домом, а остальные девять?
- Вы знаете, это было, нас выселили оттуда в 42-ом году, значит это был где-то промежуток 41-ый – 42-ой, мне трудно назвать время и месяц, и время года
- А как Вам известно, что именно 11 человек забирали?

– А мы посчитали. У нас родственница. Вот, живет в Березе, дальняя родственница этого, как говорится, Ковалевича, чью семью расстреляли. И когда мы встречались, когда было открытие креста, мы как-то с ней сидели, она стала считать, потому, что мама ей тоже рассказывала, и мы с ней посчитали всех людей

– Которых забирали в заложники?

– Которых забрали в заложники я видела

– Кто это именно?

– А я уже говорила Вам

– Вот эти двое?

– Да, да, эти двое. И когда увозили этих, как мы говорили, по-местному, Михалковых, по именам называли старших, мы тоже видели, потому, что наши дома стояли недалеко. А вот уже когда забирали Даниловых, как мы говорим, этого я не видела, это мама потом рассказала. «Забрали» - кажа «у Косава, бо кажуць, расстралялі іх. Бо хтосьці данес,шта афіцер быў» – так мама шепотом рассказала, хтосьці данес. Ну, мы разговаривали на белорусском языке

– То есть кто-то донес...

– Да

– ... из вашей деревни?

– Но нет, не из нашей деревни

– А откуда?

– Они же его и в Косово ездили, ну, не известно кто. Вы знаете что, как говорится, но только не дедовцы.

– И вы сказали, что потом, как бы, вот вы переехали из дедов

– А мы не переехали, нас выгнали

– Расскажите, как это произошло

– Дело в том, что вдруг папа забегает в дом, говорит: «Надо собраться». Собрали мужчин. Где их собирали? Мужчинам этого дома был дан приказ, наверное, продолжали взрываться эшелоны, и они чувствовали, что люди помогают, но кто, установить не удалось партизанам. И было велено немедленно, в течении 24-ых часов собраться и покинуть Деды, в течении 24-х часов.

– То есть это немцы приказали вам?

– Да, это был приказ немцев, в 24 часа покинуть деревню, и переселили нас на Бронную гору. Вот я помню, что мы шли пешком, это была не зима, это я точно помню, что мы были легко одеты, и потом уже куда, зачем, как говорить, имущество, которое..., какое могло быть в деревне имущество, сами вы можете посудить. Даже судя по обстановке в этом доме, и пешком. И здесь, на Бронной горе поселили в один дом. Я посчитала, в этом доме нас было 21 человек, небольшой дом, 4 семьи, 21 человек, один фактически на одном

– То есть, так осталось практически половина населения с вашего села? Потому, что в начале вы говорили, что было 40

– Одну минуточку, я имею ввиду, что всего нас было 41 человек до начала войны. Михалковых расстреляли, Даниловых расстреляли, значит в этом доме, на Бронную гору выехала жена Михаила Петровича с двумя детьми Михаила Петровича, им дали притулок в другом доме. Бабушка моя со своей дочерью и еще с другой дочерью тоже притулок. Места обитания в другом маленьком домике. А вот в этом доме уже жили, вот, семья Аркадия Ивановича, который здесь живет, все, было четверо детей, бабушка, хозяйин, хозяйка, наша семья. А в другой половине

были жители деревни Речицы, чьи дома тоже сожгли, это Медведи и Иванцовы. Вот так мы жили

– Вы сказали, что тоже сожгли, это значит, что ваши дома сожгли?

– Это их дома. Наши дома, буквально на следующий день или через день, были полностью сожжены. Чудом остался вот этот сарай, который сейчас стоит, потому, что он рядышком с речкой, вдали от домов стоял. Ну, и где-то ночью отец собрал это все, то, что вы здесь видите, тоже он собрал и перевез сюда как дерево, потому, что это, то, что вы все видите, это не просто память о моем отце, память о деде, ему хотелось все это сохранить. Перевез как дрова. Каким образом ему это удалось, я не знаю. И деревня была сожжена до тла

– А Вы видели, как поджигали деревню?

– О, нет

– Или как горела деревня?

– Нет, нет, нет

– Ничего такого не видели

– Нас оттуда попросили, как говориться, «очень вежливо», так что бежали не оглядываясь

– А когда вы выходили из деревни, уезжали туда, вас под конвоем вели или вы сами?

– Нет, было приказано и сами

– Когда вы уже увидели, что в деревне все дома подожгли?

– Это родители видели

– вы не видели?

– Нет. Детей. Нас уже туда не пускали, вы что

– И никогда потом не возвращались?

– Возвращались, но после войны

– А во время войны Вы не вернулись?

– Нет. Это уже трагическое было возвращение в эту деревню. Немцы и тогда оставили после себя потрясающую память: они минировали все дороги, которые только можно, и самое страшное, они минировали дороги, где ездило и ходило мирное население. И вот моя встреча, в 44-ом году, когда еще шла война, поехали за сено, но я уже забегаю далеко вперед, коль мы заговорили о Дедах, и папа был еще в концлагере, а мама уже к этому времени в первый раз ранена. Надо было сено, у нас была корова. Солдатики ехали, здесь воинская часть была, и мама говорит: «Сынкі, то я за вамі паеду, бо страшна, яшчэ ж ідзе вайна». Они говорят: «Хорошо. Мамаша, только едь за нами». Накосили себе травы, нам, и говорят маме: «Хозяюшка, отъедь в сторону. Будешь ехать за нами. Запомни – идет война». И то, что осталось у меня в памяти, вот, извините, это забыть нельзя. В одно мгновение я лечу, я не слышала не взрыва, я нечего не слышала, и когда я оказалась на земле, это было чудо. Ну, повозка солдат была нагруженная сеном, я прямо шла за повозкой, и я увидела – мама вдали, они ведь попросили мать, вся забрызганная кровью, тетя с нами была и брат. Ни повозки солдатской, ни ребят, ни лошадей не было.

– Но Ваша мама жива осталась?

– Маму второй раз ранило, мама осталась жива. Тетю ранило. И вот пожалуйста, где же они ставили мины – дорога на болото. И вот много лет после войны, я когда-то ходила с ребятами в поход, я показывала место, где была моя деревня, и тогда еще эта глубокая яма была. Кому они поставили эту противотанковую мину? Кому? А легкая повозка прошла, а это были двое лошадей. Вот, я жива потому, что они погибли.

– Вот Вы сказали, что Ваша мама второй раз была ранена, а где она...?

– В 44-ом, понимаете, когда немцы отступали, здесь, на Бронной горе творилось что-то невероятное: бомбили железную дорогу, и, конечно, мы убежали в лес. Немцам было уже не до нас. Потому, что они сами драпали. Мы убежали в лес, ну, не знаю сколько, 5-6 километров, я знаю, что корову с собой взяли, потому, что мы не знали на сколько. Я помню. Что мы жили в шалашах в лесу, кто выкопал землянку, накрыв еловыми, значит это было, но это уже был 44-ой год, где-то июнь, когда освобождали Белоруссию. И вот мне запомнилось, что мы метались по этому лесу, а бомбы там, там, там, там. И вот этот ужас, этот страх мне запомнился, просто, может быть, вам покажется смешным, я запомнила, что почему-то мама мне в руку дала мисочку с маслом «Носи». Потому, что не знали, каждому брату свое, булочку хлеба, вот, она за коровой, папы ж тогда еще не было. И вот когда услышали, что освободили, ушли немцы, мы бросились домой. Навстречу нам шли солдатики и говорят: «Люди, дорогие мои, не торопитесь! Немцы заминировали дороги. Не торопитесь. Подождите. Пройдут впереди вас саперы». А нам так хотелось домой, и вот все ринулись. На первой повозке проскочили мы, первая повозка, на которой был брат мой и я. Мы приехали, стоим возле окна, ждем, когда появятся остальные. И вдруг взрывы. Мы привыкли к этим взрывам за войну. И вдруг никто не едет, мы бросились. Произошло страшное – очередная повозка подорвалась, лошадь наступила на мину, и там мама была. Маму в тот раз очень тяжело ранило, погиб отец Аркадия Ивановича, и погибла жена лесничего Кабушинского, который папу спас от расстрела у кляштера, это я тоже чуточку позже расскажу. И мы вернулись в лес обратно, потому, что и это снова оставили мины на тех дорогах, где заранее знали,

что будут мирные жители, понимаете, какой след они оставляли после себя на этой земле. Это было первое очень тяжелое ранение. Я помню, брат плакал: «Мамочка, не умирай пожалуйста, не умирай». Ну, потом здесь, среди мирных жителей на Бронной горе была медсестра, она спасала маму, лечила как только могла, вот это было. Вы знаете что, мы на Бронной горе, правда тот поселок, который мы сейчас называем Бронная гора, когда-то назывался Смольня.

– Смольня, да?

– Смольня. Там был скипидарный заводик маленький

– Из-за этого?

– Да, да, да. Там делали скипидар, поэтому называли Смольня. Там было несколько домиков. И вот запомнилась еще одна страшная картина: врывается в нашу комнатушку немец, у меня сестра была, она с 26-ого года, и крик: «Где Вера?». Вера была хорошенькая девчонка, и Веру постоянно прятали, и мама спрятала нас за печку, в расстоянии между стеной и печкой. И он стал стрелять.

– Куда он стрелял?

– В лампочку выстрелил. Вернее, одна из пуль попала в лампочку, и это нас спасло. Вот в этой комнате тот абажур простреленный долгие годы висел. Папа сказал: «Пусть он висит», вернее, мама, скорее всего. «Как напоминание о войне». Брат сказал: «Не хочу», и снял, убрал этот абажур, может быть выбросил, может быть в кладовой он, и повесил новый, но, почему-то новый не захотел, он упал, и остался от этого нового абажура только вот этот ободок, который сейчас висит. И когда стало темно, нам каким-то образом удалось через дверь пробраться к соседям, которые спрятали нас в печке. Вы знаете, он мог броситься и туда и устроить там. Это чудо, что мы остались живы, и

люди спрятали нас. Вы понимаете, это тут же стреляет в комнате, дети, двое маленьких детей, женщина – это было страшно.

– А откуда немец лично знал Вашу сестру по имени?

– так это ж маленькие, они ж знали, ходили здесь, они, конечно, они знали все население, они проверяли

– Но они знали кого и как зовут?

– Да, почему-то знали

– Но вы уже жили там в селе, в этой Смольне

– Да, в Смольне

– Немцы они тоже там проживали?

– Нет, у них была воинская часть

– Они были в воинской части?

– Они были в воинской части, но в поселке появлялись

– И что они делали, когда появлялись в поселке? Чем они занимались?

– А им надо было у кого кусок сала, у кого кумпяк, у кого яйца – чем полакомиться, «матка млеко, матка яйка», это было очень такое в обиходе. И сами голодали, вынуждены были отдавать, дрожать и отдавать последнее. Вот это было «матка млеко, матка яйки»

– А с Вашей сестрой как, все в порядке?

– В порядке, слава Богу

– Обошлось без других инцидентов?

– Обошлось без других инцидентов, на этот раз обошлось без инцидента. Вы знаете что, было столько, среди жителей Бронной горы, вот сегодня лежала ночью и думала, почти в каждой семье был партизанский связной,

ведь люди рисковали жизнью, настолько страшные злодеяния фашистов, что люди, рискуя жизнью, помогали партизанам. Вот вы были или будете у Ивана Степановича Николаева, его отец был партизанским связным, брат мой был разведчиком, папа был связным, потом Медведь был связной, вы понимаете, люди помогали чем могли партизанам, рискуя собственной жизнью. Вы знаете, Бронная гора, Смольня, это место страшное, вы это сами знаете, когда расстреливали здесь людей, я не буду говорить национальность, евреи, русские, белорусы, украинцы – это люди. И вы знаете что. Вот это, нас осталось из Смольни 7 человек: вот двое из семьи Николаевых, трое из семьи Аркадия Ивановича, еще одна женщина Мария, она живет, и я – 7 человек, свидетели того, кто слышал эти хлопки от выстрелов: тах, тах, тах, тах, когда расстреливали

– А Где расстреливали?

– А расстреливали недалеко. Вы знаете что, когда вы ехали сюда из Белозерска, за переездом налево, туда вела узкая колея. И по этой узкоколейкой они везли тысячи, десятки тысяч людей – 55 тысяч, десятки тысяч людей. И как говорится, тоже, люди каким-то образом узнавали, видели, куда идут эти эшелоны, особенно, по всей вероятности, дом Николаевых ближе всего стоял к железной дороге, Смольня замирала, Смольня замирала, вы понимаете, что от страха и от ужаса. И потом доносились хлопки, такие взрывы, как мы в кино видим: та-та-та, та-та-та-та. Мы не слышали криков. Я вот долго думала, почему люди не кричали? А мы ведь тоже под расстрелами автоматов стояли молча. Но там был, понимаете, там были звуки, там они плакали, наверное, молча, и голоса предсмертные доносились до нас, это не забыть, это никогда не забыть

– То есть все-таки были слышны голоса?

– Гул, гул, понимаете, такой гул, стон, понимаете, все это м=смешалось плач, гул, но не крики, гул, стон, понимаете, что он доходил до сердца, он доходил до сердца, и вы знаете, сколько человек будет жить, он этого не забудет, даже я ребенок, этого никогда не забуду, пока я жива. Если будет возможность, буду рассказывать людям.

А потом произошло еще страшнее, когда отступая, они решили спрятать следы своих преступлений: они раскапывали и сжигали трупы. Вот это было еще страшно. Наши жители Бронной горы они не брали не на раскопку, не на закапывание ям, не на поджоги. Они сжигали людей, вы понимаете, они сжигали людей. Копоть стояла над Бронной горой, копоть.

– А Вы откуда знали тогда, что сжигали людей?

– Копоть стояла, дым над всей Бронной горой. Вы можете себе представить копоть от сгорающего человеческого тела? Она была на ручках дверей, она была на дверях, она была везде и всюду, когда садилась она, ведь тысячи людей сжигали. Вы можете представить себе такое?

– Но тогда, откуда Вам было известно, что это именно сжигали останки людей?

– Откуда?

– Да

– Это же видели все. А мы потом после войны все это увидели

– То есть Вы после войны узнали, что это люди?

– Нет, мы знали тогда, когда они уже сжигали

– А откуда именно, кто-то говорил, кто-то видел? Потому, что могли сжигать другие. Как вам стало известно, что именно людей сжигали?

– Как нам стало известно: снова шепот по Бронной горе: “Будуць паліць”. По всей вероятности, чтобы сжечь надо было везти чем-то поливать, наверное, каким-то образом. Есть такая пословица: шило в мешке не утдишь. Вот таким образом стало известно.